

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ РИНЦ

Талалаева Г. В.

Уральский федеральный университет; Уральский институт ГПС МЧС России,
Екатеринбург, Россия

E-mail: gvtalal@mail.ru

Для цитирования: Талалаева Г. В. Динамика представлений о механизмах формирования социальной идентичности молодежи: обзор публикаций РИНЦ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.7>. EDN: RHMSYQ

Аннотация. Предмет исследования: феномен диссипации социальной идентичности молодежи в современном российском обществе. Цель: сопоставить отражение этого феномена в академическом и общественном сознании. Гипотеза: динамика и структура представления о социальной идентичности молодежи на современном этапе развития России в академическом и общественном сознании не одинакова. Гипотеза проверена на примере публикаций, включенных в базу РИНЦ. Выделено две категории публикаций: 1) научные журналы, диссертации; 2) материалы конференций. Первая отражает представления о социальных явлениях в сознании академического сообщества; вторая – в массовом сознании широкой научной общественности. Глубина поиска – 11 лет (2012–2021 гг.). В него вошли присоединение Крыма к России, пенсионная реформа, пандемия COVID-19, слияние двух фондов социальной поддержки населения (ПФ и ФСС). Объем эмпирических данных составил 86341 наименований публикаций. Представления авторов публикаций по изучаемому феномену фиксировались по пяти поисковым запросам: «социальная идентичность молодежи», «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка». Алгоритм взаимосвязи между указанными темами изучен с помощью парного корреляционного анализа. Установлено, что пик публикаций по указанным запросам совпал с трехлетним периодом 2016–2018 гг. Отражение проблемы социальной идентичности молодежи в академических изданиях на 4–6 лет предшествовало ее активному обсуждению в материалах конференций. В научных статьях и диссертационных исследованиях социальная идентичность молодежи рассматривается как частный случай самоорганизации сложных социальных систем, в материалах конференций – как отдельный элемент иерархически выстроенной детерминированной финансовой системы. Полученные результаты расценены нами как доказательство справедливости выдвинутой нулевой гипотезы. Возможные области применения результатов исследования: молодежная, социальная и демографическая политика государства на новом этапе социально-экономических реформ. Ограничением для внедрения результатов исследования в практику социального менеджмента может стать эффект инерционного общественного мнения и массового сознания, а также финансовые интересы отдельных лобби, в настоящий момент задействованных в реализации социальных проектов. Направления будущих исследований – целевой мониторинг трансформации массового сознания в соответствии с требованиями происходящей технологической революции.

Ключевые слова: молодежь, идентичность, диссипация, массовое сознание, технологическая революция.

Введение

Современный этап развития России характеризуется существенной трансформацией социально-экономической инфраструктуры общества. И такая трансформация усложняется повсеместной цифровизацией всех сфер жизни общества

большинства экономически развитых стран мира. Ускорение темпов четвертой промышленной революции, связанной с изменением технологического уклада, форм и способов социальной коммуникации, выбора и реализации профессиональной траектории трансформирует алгоритмы социализации личности, меняет структуру общественных отношений, задает условия для разрушения прежних традиционных ценностей и их замены новыми. Глобальный процесс трансформации ценностей имеет свои, очень значимые для социологии управления, аксиологические и поведенческие аспекты. К ним относится сегментация молодежи по таким критериям, как отношение к труду, детям, старшему поколению; выбор профессиональной и образовательной траектории; способность восприятия нового опыта и его успешная интеграция в межличностное общение, избираемые формы социальной активности, волонтерства, организации семьи, склонность к риску, уровень финансовой ответственности и др. Сегментация молодежи по перечисленным выше критериям отражается в ее социальной идентификации, создает условия для диверсификации процессов гражданской социализации, инициирует, на наш взгляд, процесс диссипации представлений о социальной идентичности молодых в массовом и групповом сознании россиян. Последнее опирается не только на техническую и технологическую, но в большей степени на мотивационную, коммуникативную и когнитивную неоднородность современной молодежи.

Гетерогенность и исключительное многообразие моделей социального поведения юношей и девушек свидетельствует о процессе диссипации социальной структуры общества. Образующиеся при этом кванты социального поведения могут быть формализованы в моделях узловых структур, которые, по мнению ряда авторов [1], идут на смену традиционным моделям управления и, как все гибридные системы, характеризуются исключительной гибкостью, мобильностью и пластичностью, уникальным сочетанием автономности и авторитарности.

Расценивать происходящие трансформации как краткосрочные и преходящие не представляется возможным, т. к. их причинами и триггерными механизмами служат объективные процессы технологической революции, мультиплицированные долго- и среднесрочными событиями, происходящими в экономической, социальной, политической и международной сферах. Ключевыми факторами данной трансформации являются повсеместная цифровизация, переход на дистантные формы общения, образования, ведения бизнеса, оказания медицинской помощи. Синергетическими факторами, ускоряющими процесс этой трансформации, выступает эхо перенесенной пандемии COVID-19. Оно регистрируется социальными психологами вне зависимости от географии исследований в виде роста пограничных состояний, случаев депрессии, агрессии, суицидов, опасного вождения автомобилей и т. п.

Молниеносная по историческим меркам, устойчивая и глубинная трансформация социальной самоидентификации молодежи сегодня становится дополнительным фактором диссипации общественных структур, и поэтому превращается в актуальный объект отдельного исследования, направленного на адаптацию технологий молодежной политики к новым реалиям современной России.

Отдельной темой исследований, посвященных вопросу оптимизации молодежной политики на современном этапе развития страны, на наш взгляд, является тема готовности молодых людей к самосохранению и выживанию в реальных условиях, оценки их способности противостоять возникающим социально-экономическим

угрозам и обеспечивать надежную основу для самореализации, находить и эффективно использовать новые источники и средства самообеспечения.

С точки зрения социального управления, принципиально важно то, что рассмотрение диссипации социальной идентичности молодежи не только как объекта, но и как субъекта исследования, качественно меняет прикладное значение данной темы. Такой переход открывает новые перспективы для совершенствования молодежной политики. В частности, делает возможным использовать концепции и технологии поведенческого анализа в процессе модернизации молодежной политики, мишенную (таргетированную) организацию event-событий в работе с молодежью.

Количественными показателями актуальности указанного методологического перехода, его практической значимости могут служить данные наукометрического анализа базы РИНЦ. При этом, в соответствии с концепцией окон Овертона, статьи в научных журналах и сборниках конференций могут быть проанализированы как показатели позитивного восприятия массовым сознанием новых решений в области молодежной политики, принадлежащие соответственно к 4-й и 5-й фазе трансформации общественного мнения, а именно к фазе «Разумно» и к фазе «Популярно».

Обзор научной литературы

В научном дискурсе социальная идентичность понимается как осознание индивидом или группой людей своей принадлежности к определенной социальной общности, имеющее для ее членов эмоциональное и оценочное значение. А. Тэшфел обращает внимание на то, что социальная идентичность характеризуется с принятием индивидом определенного социального статуса, его роли, позиции в социуме и формируется путем ряда последовательных актов: осмысления социального окружения его структуры и типологизации, отождествления себя с выбранной социальной общностью и, наконец, полной интеграции в эту общность. Отметим, что согласно теории социальной идентичности А. Тэшфела, между различными общностями внутри социума существует консенсус относительно ролей и позиций, которые закреплены за каждой из групп. Это означает, что индивидуальное представление о принадлежности индивида к той или иной группе соответствует групповому представлению этой группы о своем предназначении в обществе, а групповое представление, в свою очередь, не противоречит структуре массового сознания и общественного мнения. Иными словами, социальная идентичность как феномен является механизмом консолидации социума на ментальном, когнитивном и аксиологическом уровне. Примечательно, что теория социальной идентичности предполагает наличие действенного компонента; включает в себя поведенческий анализ личности и/или социальной группы в зависимости от избранной ими социальной идентичности. Поведенческий анализ проводится по нескольким направлениям: межличностных и внутригрупповых отношений, способов достижения позитивной социальной идентичности, уровню индивидуальной мобильности, социальной креативности и конкуренции, выраженности коллективного нарциссизма, интенсивности проявлений наученной агрессии, склонности к пассивно-рентным установкам в обеспечении себя средствами существования и др.

В условиях стабильно развивающегося общества многие из перечисленных аспектов социальной идентичности уходят на второй план, т. к. представления о социальной инфраструктуре общества в массовом сознании остаются относительно неизменными длительный период времени. Наверное, именно поэтому в вузах страны

и, в частности в Уральском федеральном университете, при подготовке специалистов в области социологии основное внимание уделяется не феномену социальной идентификации в целом, а его отдельным составляющим. Что находит свое отражение в изучаемых дисциплинах. Акцент делается на инструментальный характер базовых концепций теории социальной идентичности, и в ракурсе выработки прикладных навыков и компетенций изучаются дисциплины «Гражданская социализация личности», «Личная эффективность и навыки управления», априори предполагая при этом, что сам процесс социальной идентичности уже завершен и осуществлен в соответствии с устоявшимися нормами и правилами, принятыми в обществе.

Однако в действительности процесс социальной идентичности молодежи не является статическим. Он активно модернизируется в условиях четвертой технологической революции, а в России ускоряется инфраструктурными социально-экономическими трансформациями. Кризис процесса социальной идентичности в условиях повсеместной цифровизации отмечен многими зарубежными авторами [2–10]. Российские социологи также фиксируют факт трансформации моделей взросления и формирования социальной активности молодежи на современном этапе развития страны и в отличие от прежних иерархически выстроенных системных мер гражданской социализации молодого поколения обозначают данный процесс «саморегулирующей жизнедеятельности молодежи» [11; 12].

Цитируемые исследования созвучны работам В. Т. Лисовского, в которых поколение назад была отмечена сложность, противоречивость, а порой и парадоксальность процесса социальной идентификации молодежи в условиях социально-экономического кризиса. В своей работе [13], датированной 2000 г., ученый писал: «Анализ духовных ценностей и социальных процессов является приоритетной задачей социологии. ...Современная молодежь России проходит свое становление в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Отсюда растерянность и пессимизм, неверие в будущее. Растут агрессивность и экстремизм, шовинизм и криминальность. ...Однако кризис какого-либо явления отнюдь не равнозначен падению или исчезновению его социальной ценности. Наоборот, активная общественная критика может означать наличие ценностного конфликта в этой области, т. е. «чувства отклонения от идеала», несоответствия общественной потребности и наличию имеющихся обстоятельств. Одновременно это может означать смену ориентаций в данной области. ...средство выживания в новых условиях». В цитируемой работе приведены результаты исследовательского проекта «Динамика ценностных ориентаций молодежи России XX века», набор эмпирического материала для которого был осуществлен в период с 1963 по 1999 гг. Таким образом, на рубеже XX–XXI веков Лисовский заключил, что «Сегодня можно с полным основанием говорить о борьбе ценностей в массовом сознании и в жизни общества»; ссылаясь на В. П. Тугаринова, подчеркнул, что ценности людям нужны для удовлетворения потребностей и интересов, что даже базовые ценности могут существенно варьировать внутри одного демографического поколения. Например, отношение к труду у лиц с высоким уровнем образования воспринимается ими как способ самореализации, а у лиц, занимающихся неквалифицированным трудом, как средство существования. В условиях экономических катаклизмов структура ценностей может динамично модифицироваться, и задача социологов состоит в том, чтобы понять, в каком отношении находятся уходящие и нарождающиеся ценности, «какие ценности разрушаются, а какие остаются»; как происходит процесс смены ценностей и «на-

сколько predeterminedены эти процессы». При выполнении цитируемого проекта В. Т. Лисовский с коллегами зафиксировали факт диссипации сценариев поиска молодежью своего жизненного пути и описали несколько реализуемых вариантов:

1. Уход в прошлое;
2. Оппозиция к настоящему;
3. Интеграция в преступный мир и иллюзорный мир наркомании;
4. Поиск истины в обращении к богу и мистическим технологиям;
5. Отказ от культурных ценностей в пользу материальных с ориентацией на короткие социальные проекты с получением быстрых больших денег;
6. Приверженность родителям, успешно вписавшимся в рыночную экономику, как гарантам получения доступа к рычагам власти и вхождения в политические и экономические элиты;
7. Выбор автономного жизненного пути с дистанцированием от существующих традиций и опорой на собственную активность.

Оценивая перечисленные сценарии с точки зрения их социальной эффективности и значимости для прогрессивной эволюции общества в условиях социально-экономических реформ и катаклизмов, считаем целесообразным соотнести их с критериями жизнестойкости населения в условиях революций, сформулированными основателями социальной демографии Жаном Клодом Ахиль Гиляром и Жаком Бертильоном [14], а также с нормативно-правовой интерпретацией понятия жизненно важные интересы личности, общества и государства, приведенного в законодательстве Российской Федерации.

Сам факт диссипации социальной идентичности в условиях социально-экономических трансформаций не нов. О нем, как ключевом механизме, определяющем возможность общества восстановиться после перенесенных катаклизмов, упоминали в своих работах французские демографы XIX в. Не используя данный термин, Жан Клод Ахиль Гиляр и Жак Бертильон изучили аксиологические, поведенческие, гражданские, интеллектуальные, моральные и физические характеристики народонаселения как показатели устойчивости и жизнестойкости населения в эпоху перемен. Ими были выделены четыре аспекта демографического поведения, программирующего народонаселение на восстановление после кризиса: средства к жизни, брачное, репродуктивное и деструктивное. Весьма значимым, на наш взгляд, является тот факт, что названные авторы в качестве гаранта выживаемости обозначили средства к существованию, а эффективность брачного и репродуктивного поведения рассматривали как производные этого доминирующего признака. Если экстраполировать выводы основателей социальной демографии на результаты исследовательского проекта «Динамика ценностных ориентаций молодежи России XX века», то можно заметить, что ни один из сценариев социальной идентификации молодежи, названных В. Т. Лисовским, не подпадает под успешный алгоритм, описанный французскими социологами: «обеспечить себя средствами к существованию, интеграции в социум путем брачного и репродуктивного поведения и избежания деструктивных форм социальной активности».

Эксперты ООН подтверждают многогранность феномена жизненно важных интересов личности, фиксируют тот факт, что структура жизненно важных интересов для каждого человека может меняться в зависимости от обстоятельств, и выделяют три главные составляющие такого феномена: жизнь и здоровье; благосостояние; доступ к информации. Примечательно, что вторая составляющая – благосостояние

– может быть достигнута двумя прямо противоположными способами: конструктивно-созидательным и пассивно-рентным. К ним в эпоху войн и революций добавляется третий вариант – агрессивно-деструктивный, который, как и безопасность, является предметом специальных законов и подзаконных актов, в т. ч. в области международного права.

Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ¹ понятие безопасность определяет как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства; обозначает безопасность как коренную потребность человека, включающую в себя материальные, социальные и духовные оставляющие; рассматривает личность одновременно как объект и субъект безопасности; фиксирует несоответствие жизненно важных интересов личности, общества и государства и допускает нарушение интересов личности в экстремальных ситуациях для обеспечения жизненных интересов общества и государства; предполагает возможность возникновения конфликтов интересов и регламентирует порядок их разрешения в виде письменного обращения граждан за разъяснениями в соответствующие инстанции и запрета на публичные акции протеста. Иными словами, законодатель допускает наличие диссипации социальной идентичности граждан и углубление этого процесса в период социально-экономических трансформаций.

Сопоставление указанных юридических норм с перечнем сценариев социальной идентификации молодежи, описанных В. Т. Лисовским, позволяет сделать вывод о том, что в период установления в России рыночных отношений большинство сценариев, если не все, осуществлялись в формате нарастания противоречий и конфликтов между жизненно важными интересами личности, с одной стороны, общества и государства – с другой.

Данный факт актуализирует тему настоящей статьи и побуждает нас проследить динамику социальной идентичности молодежи, сложившуюся после публикации материалов В. Т. Лисовского до настоящего времени. Уральские социологи осуществляют многолетний мониторинг динамики ценностей студенческой молодежи [15; 16]. Результаты этих лонгитюдных исследований свидетельствуют о том, что структура ценностей уральского студенчества в период с 1995 по 2016 гг. характеризуется переходным, амбивалентно-транзитивным характером, в котором сочетаются такие качества, как «нелинейность и иерархичность, устойчивость и динамичность, проективность и актуальность, универсальность и дифференцированность, эклектичность и диалектичность, традиционность и инновационность, институциональность и персональность» [15]. Сравнительный анализ двух массивов данных, приведенных в цитируемой монографии (табл. 79, с. 406 и табл. 82, с. 415) свидетельствует о тренде трансформации ценностей, который наблюдается в среде уральской молодежи. Он заключается, на наш взгляд, в том, что ценности семейно-брачных отношений уходят с лидирующих позиций на второй план, а на первый план выступает потребность в поддержании социальных контактов и связей, нивелируется потребность в богатстве, поиске интересной, творческой работы и самореализации. Примечательно, что за весь период мониторинга, ни в момент фоновых исследований 1995 г., ни в момент промежуточных итоговых опросов 2016 г. вопрос обеспечения себя средствами существования не был обозначен респондентами как актуальный и/или значимый.

¹ Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12181538/> (дата обращения: 17.06.2022).

С точки зрения методологии изложенных выше литературных данных представленные портреты уральских студентов и тренды их трансформации в течение одного демографического поколения (с 1995 по 2016 гг.) не являются убедительной основой для заключения о том, что студенческая молодежь Урала предрасположена к успешному преодолению кризиса социальной идентичности при продолжающихся социально-экономических трансформациях.

Исследования сотрудников кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета, проведенные летом 2020 г., позволили формализовать варианты социальной идентичности старшеклассников Свердловской области, принимающих участие в волонтерской деятельности [17]. Авторами установлено, что половина респондентов предпочитает быть исполнителями, но не организаторами мероприятий, выбирая для себя роль помощников (22 % респондентов) или наблюдателей (29 % респондентов). Обнаружен факт расхождения внешних и внутренних компотентов социальной идентичности респондентов: декларируя себя активными участниками волонтерского движения, респонденты не испытывают чувства ответственности за события, происходящие по месту их жительства. Механизм рекрутирования новых волонтеров в добровольческое движение из числа старшеклассников с точки зрения социальной идентификации также оказался не гармоничным. Внешне позиционируя себя волонтерами, внутренне респонденты не ассоциируют себя с представителями волонтерского движения, т. к. стали участниками такого движения по настойчивой инициативе педагогов образовательных учреждений при незначительной роли ближайшего окружения и профессионального сообщества организаторов социальной активности. Авторами цитируемого исследования зафиксирована устойчивость социальных ролей, избранных респондентами: при повторных участиях в волонтерских акциях лица, первоначально выбравшие роли наблюдателей и/или помощников, не стремились занять более активную, инициативную и творческую роль организаторов событий. Описанные сценарии социальной активности старшеклассников, по нашему мнению, свидетельствуют о наличии акмеологического конфликта в структуре социальной идентичности респондентов и позволяют прогнозировать их недостаточную эффективность в случае необходимости брать на себя ответственность за построение траектории собственной жизни и поиске новых источников средств существования в переходные этапы социально-экономического развития страны.

Разобщенность сценариев жизни молодежи и общества в целом как целостной, эмерджентной системы следует также из материалов социологического исследования, изложенных в книге [12]. Изучение смысловых ценностей молодежи, проведенное в 2020 г., т. е. в разгар пандемии COVID-19, Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН по репрезентативной выборке в 28 населенных пунктах 7 субъектов Российской Федерации методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов (объем выборки 1155 человек), показало, что лишь одна треть молодых людей в возрасте от 30 до 35 лет признает в качестве личных значимых ценностей «проявление своей индивидуальности (самореализацию) и продолжение себя в будущих поколениях», соответственно 39% и 29% от числа опрошенных респондентов (табл. 1.3.2, с. 33). Исходя из приведенных данных, можно полагать, что подавляющее большинство российской молодежи не идентифицирует себя с теми, кто считает необходимым качеством личности самообеспечение в нестабильных условиях жизни при бурно протекающих социально-экономических трансформациях.

Краткий обзор литературы, приведенный выше, с объективной неизбежностью ставит перед исследователями следующие вопросы. Отражается ли реально протекающий процесс диссипации социальной идентичности молодежи в общественном сознании? С какими технологиями управления социальными процессами соотносит диссипацию социальной идентичности молодежи научное сообщество? Какие способы нивелирования процесса диссипации социальной идентичности молодежи в качестве оптимальных рассматривают участники профильных научно-практических конференций? Каким образом государство может в сложившихся обстоятельствах наиболее успешно консолидировать общество: с помощью технологий социального обеспечения, социальной защиты, социальной помощи или социальной поддержки? Такое ранжирование в данной ситуации уместно, т. к. первые два вида социальной работы с населением ориентированы преимущественно на пассивно-рентный тип поведения людей, а вторые два – на их активную социально-экономическую позицию.

Актуальность, новизну и практическую значимость сформулированных вопросов ярко демонстрирует планируемое слияние Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в единый социальный институт – Социальный фонд России или Соцфонд России². Целесообразность такого решения в экспертном сообществе обсуждается с 2018 г. В течение трех лет идея приобрела черты законотворческой инициативы и трансформировалась 20 мая 2022 г., когда в качестве законопроекта была внесена Правительством России на рассмотрение Государственной Думы. 08 июля 2022 г. Совет Федерации одобрил закон о создании единого Фонда пенсионного и социального страхования России. По мнению вице-премьера Т. А. Голиковой, работа Фонда в новом формате начнется с 1 января 2023 г. Но готово ли общество к запланированным изменениям?

Методология и методы исследования, источники информации

Для поиска ответов на поставленные вопросы нами проведен наукометрический анализ публикаций, включенных в базу РИНЦ на платформе elibrary. Глубина поиска – одиннадцать лет – с 2012 по 2021 гг. включительно. Поиск публикаций осуществлен по пяти запросам: «социальная идентичность молодежи», «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка». Каждый запрос детализировался в трех форматах: общее число публикаций; статьи в журналах перечня ВАК и диссертации; материалы конференций. Динамика публикаций материалов исследований в научных журналах и диссертациях интерпретировалась как отражение представлений о проблеме социальной идентичности молодежи в научном сообществе, в материалах конференций – как проявление пиар-акций, формирование общественного мнения и популяризация сформировавшихся научных парадигм. Сравнительный анализ временных рядов двух типов публикаций (в научных журналах и материалах конференций) использован для обоснования заключений о взаимовлиянии академического и общественного сознания, об их сходстве и различиях, как по временным параметрам, так и структурно-функциональным характеристикам, описывающим формирование представлений о кризисе социальной идентичности молодежи. Структурно-функциональный аспект феномена социальной идентичности молодежи в научном и общественном сознании был изучен с помо-

² Путин подписал закон об объединении ПФР и Фонда социального страхования. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/07/2022/62cfe3979a7947ef1c2b6168> (дата обращения: 17.06.2022).

щью парного корреляционного анализа, при котором вычислялись коэффициенты парных корреляций между количеством публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» и запросам «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная поддержка», «социальная помощь». Специфика применения парного корреляционного анализа в данном случае заключалась в том, что с его помощью мы искали ответ на вопрос: одинаков ли алгоритм взаимосвязи феномена социальной идентичности молодежи с отдельными формами социальной работы с населением в структуре научного и общественного сознания?

Результаты

Суммарно по всем пяти запросам поисковая программа базы РИНЦ предложила 86341 публикацию. На первом месте в рейтинге по числу публикаций оказались поисковые запросы «социальная поддержка» и «социальная помощь», соответственно 24712 и 24043 наименования. Второе место в рейтинге разделили поисковые запросы «социальная защита» и «социальное обеспечение», 16927 и 13153 наименования соответственно. Наименьшее число наименований было получено по запросу «социальная идентичность молодежи» (7506). Численные результаты поисковых запросов приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Количество публикаций по годам в зависимости от вида публикаций

Table 1.

Number of publications by years depending on the type of publications

Поисковый запрос	Годы публикаций									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
По запросу «Социальная идентичность молодежи»										
Общее число публикаций	716	712	885	784	707	782	857	695	710	663
Статьи, диссертации	518	580	561	495	470	489	447	416	394	382
Материалы конференций	143	69	259	144	165	229	294	205	214	201
По запросу «Социальное обеспечение»										
Общее число публикаций	903	901	1209	1286	1379	1461	1653	1547	1431	1390
Статьи, диссертации	573	622	698	700	765	740	813	779	725	695
Материалы конференций	202	151	319	307	399	497	566	549	530	524
По запросу «Социальная защита»										
Общее число публикаций	1028	1128	1593	1835	2042	2028	1903	1758	1818	1838
Статьи, диссертации	739	754	796	950	1069	978	798	713	872	807
Материалы конференций	148	203	598	589	708	824	845	738	700	822
По запросу «Социальная помощь»										
Общее число публикаций	657	841	1142	1318	1350	1263	1449	1176	1206	1079
Статьи, диссертации	450	541	608	705	1179	821	685	673	769	734
Материалы конференций	53	113	147	390	635	572	493	523	503	528
По запросу «Социальная поддержка»										
Общее число публикаций	1300	1475	2039	2553	2713	2876	2832	2698	2974	3252
Статьи, диссертации	873	877	1038	1375	1389	1411	1209	1220	1471	1502
Материалы конференций	220	373	705	753	893	1064	1220	1106	1178	1405

Примечательно, что в рейтинге по числу публикаций лидирующие позиции заняли те формы социальной работы с населением, которые связаны с краткосрочными финансовыми выплатами гражданам, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях. На второй план в научных и общественных интересах авторов отошли вопросы долгосрочного, в том числе пожизненного, финансового обеспечения граждан, регламентированного законодательно. Стратегически значимые проблемы трансформации социальной идентичности молодежи, которая в обозримом будущем может стать целевой категорией населения по социальным выплатам, привлекла к себе наименьший интерес исследователей за анализируемый период времени.

За рассматриваемый нами одиннадцатилетний период пики публикационной активности по темам, касающимся различных форм социальной работы с населением, приходились на трехлетний интервал – с 2016 по 2018 гг., что в хронологическом плане на 6–4 года опережает законотворческую инициативу по слиянию Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в единый Социальный фонд России, соответствует мероприятиям по интеграции Крымского полуострова в финансовую, экономическую, кредитную, правовую, энергетическую, транспортную и туристическую систему Российской Федерации после присоединения Крыма к России в 2014 г., а также началу проведения в РФ пенсионной реформы. Указанная хронология была типична не только для динамики общего числа публикаций, но также и для их составляющих, относящихся к публикациям академического и научно-публицистического характера.

Интерес научного сообщества к теме социальной идентичности молодежи обладал некоторыми специфическими чертами по сравнению с вышеописанными хронологическими закономерностями. Максимум публикаций академического характера по этому запросу наблюдался в 2013 г., т. е. предшествовал событиям, упомянутым выше. График общего числа публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» имел два пика, приуроченных к 2014 и 2018 гг. и хронологически совпадал с началом событий в Крыму и принятием закона о пенсионной реформе. Пик публикаций в сборниках конференций зафиксирован в 2018 г., т. е. с временным лагом в пять лет по отношению к пику публикаций в академических изданиях.

Таким образом, вынесение темы на общественную дискуссию широкой аудитории состоялось в тот момент, когда интерес научного сообщества к ней начал снижаться. На наш взгляд, наличие такого временного лага позволяет предполагать, что экстраполяция дискурса из академического сообщества на широкую аудиторию осуществлена после достаточно полной и глубокой проработки темы обсуждения.

Нами использован парный корреляционный анализ для уточнения характера связи между публикациями в академических изданиях и публикациями в материалах научных конференций. Коэффициент корреляции составил $-0,41$, что доказывает отсутствие подобия между этими двумя отражениями массового сознания и указывает на диссипацию представлений о социальной идентичности молодежи в массовом сознании россиян, вовлеченных в обсуждение данной темы.

Помимо хронологического подхода в работе исследована динамичность анализируемых социальных феноменов. Рассчитаны относительные величины прироста числа публикаций по анализируемым запросам по отношению к уровню 2012 г, принятому за фоновый. Установлено, что наиболее интенсивно увеличивался интерес исследователей к формам краткосрочной финансовой поддержки населения со стороны государства (+121,2% по запросу «социальная поддержка» и +120,5 % по за-

просу «социальная помощь»). Не так быстро рос интерес аудитории к проблемам долгосрочного социально-финансового обеспечения граждан (+98,5 % по запросу «социальная защита» и +83,1 % по запросу «социальное обеспечение»). Наиболее инертным, устойчивым и неизменным оказался интерес авторов публикаций к теме, обозначенной запросом «социальная идентичность молодежи» (+23,6 %). Такую ситуацию можно объяснить сложившейся в обществе традицией рассматривать российское государство как социально ориентированное, в котором любые социально-экономические риски граждан компенсируются выплатами из бюджета. Однако эта же ситуация может быть интерпретирована как дополнительный риск дестабилизации социально-экономического развития страны в среднесрочной перспективе.

Временная неоднородность интереса представителей академической и прикладной науки к проблеме социальной идентичности молодежи побудила нас исследовать структурно-функциональные характеристики представлений академической и широкой научной общественности о социальной идентичности молодежи как социальном феномене, взаимосвязанной с государственной политикой в области защиты населения. Для чего было проведено компаративное исследование результатов корреляционного анализа, выполненное по двум массивам данных. В первый массив вошли статьи, опубликованные в журналах перечня ВАК, и диссертации, во второй – публикации в материалах конференций. В каждом массиве данных парный корреляционный анализ был выполнен между количеством публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» и количеством публикаций по запросам «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка». Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Структурно-функциональная характеристика представлений авторов публикаций о феномене социальной идентичности молодежи, 2012–2021 гг.

Table 2.

Structural and functional characteristics of the ideas of the authors of publications about the phenomenon of social identity of young people, 2012–2021

Массив данных	Значение коэффициента парной корреляции с количеством публикаций по запросу «социальная идентичность молодежи» с количеством публикаций по запросам:			
	Социальное обеспечение	Социальная защита	Социальная помощь	Социальная поддержка
Статьи и диссертации	-0,53	-0,14	-0,36	-0,76
Материалы конференций	0,75	0,74	0,41	0,65

Из приведенных результатов корреляционного анализа следует, что представления о феномене социальной идентичности молодежи в академической среде и в среде пиар-менеджмента не только существенно различны, но по своему содержанию прямо противоположны. В академической среде феномен социальной идентичности молодежи рассматривается с точки зрения самостоятельности, относительной автономности молодежи, ее способности к самореализации, как инструмент инновационного развития общества, не зависящий напрямую от финансовых государственных дотаций. Более того, как следует из таблицы 2, между количеством публикаций на тему социальной идентичности молодежи и публикациями на тему социальной поддержки и социального обеспечения существуют сильные отрицательные связи,

указывающие на противопоставление таких понятий в групповом сознании академического сообщества.

Наоборот, в среде широкой научной общественности, выразившей свои взгляды в материалах конференций, социальная идентичность молодежи рассматривается как функция от финансовой политики государства. В массиве данных публикаций, включенных в сборники конференций, рост публикаций на тему социальной идентичности молодежи коррелирует с ростом публикаций по темам социальной помощи, поддержки, защиты и обеспечения. Причем по трем из четырех указанных тем присутствует сильная положительная связь. Это означает, что в массовом сознании современных россиян процесс социальной идентичности молодежи не представляется как сложная самоорганизующаяся система, но подлежит прямому директивному управлению со стороны государства путем регулирования финансовых отношений.

Обсуждение

На наш взгляд, приведенные результаты отражают неоднородность массового сознания, говорят о существенной роли ситуативных факторов, формирующих групповое сознание, т. е. о тех обстоятельствах, которые подробно описаны в трудах Б. А. Грушина на примере многолетних наблюдений, проведенных в 60–80-е гг. прошлого столетия. Опираясь на монографические исследования современных социологов, следует признать, что новый этап развития России модифицирует условия жизнедеятельности общества, ставит перед молодежью инновационные задачи, которые она пытается решить, используя собственные ресурсы саморазвития и самореализации, совершая действия и поступки, которые не всегда соответствуют представлениями о молодом поколении в массовом сознании россиян. Применение концепций самоорганизации к изучению феномена социальной идентичности молодежи, безусловно, перспективно с точки зрения эффективного стратегического менеджмента, но оно, к сожалению, противоречит устоявшемуся в обществе мнению о возможности прямого государственного управления поступками молодежи. Более того, интродукция модели саморегуляции социальной идентичности молодежи в массовое сознание россиян, по нашему мнению, чревато индуцированием протестных реакций со стороны населения, т. к. будет противоречить существующим ассоциативно-семантическим связям между понятиями «молодежь, прогрессивное развитие, безопасность» с одной стороны, и понятиями «защищенность, социально ориентированное государство, финансовые субсидии» – с другой. Бесконфликтная смена ценностей с приближением их к задачам прогрессивного развития и новой технологической революции – задача крайне сложная, требующая нестандартных подходов к своему решению и применения инновационных технологий, вопрос об этических границах использования которых может стать отдельной темой для дискуссий.

Заключение

Авторским анализом публикаций базы РИНЦ установлено, что динамика интереса научного сообщества и общественного мнения к теме социальной идентичности молодежи хронологически не совпадают друг с другом. Более того, интерес общественности к данной теме менее мобилен, чем в академической среде: он активизируется после того, как интерес научного сообщества достиг своего апогея и стал снижаться. Связь между этими событиями отрицательная и находится на уровне

средней силы ($r=-0,41$). В научном дискурсе, представленном в академической среде, феномен социальной идентичности молодежи противостоит представлениям о государственной защищенности населения посредством финансовых механизмов регулирования общественных отношений, а в дискурсе научно-практических конференций, наоборот, ассоциируется. Полученные результаты указывают на диссипацию представлений о феномене социальной идентичности молодежи в массовом сознании и появлении, как минимум, двух вариантов группового сознания по данному признаку. К сожалению, сложившиеся представления создают когнитивно-акмеологическую основу для рециклинга пассивно-рентных установок в череде поколений россиян. Адаптация массового сознания к новым реалиям развития России требует со стороны специалистов в области социального менеджмента высоких этических норм, смелого системного подхода к анализу возникающих ситуаций и ювелирной точности применяемых технологических решений.

Список литературы

1. Теория и практика принятия управленческих решений: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. И. Бусов, Н. Н. Лябах, Т. С. Сагкалиева, Г. А. Таспенова; под общей редакцией В. И. Бусова. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 279 с.
2. Клок К., Голдсмит Д. Конец менеджмента. – СПб.: Питер, 2004. – 368 с.
3. Мошелла Д. Путеводитель по цифровому будущему: отрасли, организации и профессии / Дэвид Мошелла; – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 215 с.
4. Machines that Think. Everything You Need to Know about the Coming Age of Artificial Intelligence. New Scientist Instant Expert. Hachette UK, 2017. 288 p.
5. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Ричард Талер; [пер. с англ. А. Прохоровой]. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с. ISBN 978-5-04-091150-9.
6. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции; [пер. с англ.] / КЛАУС Шваб, Николас Дэвич. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.
7. Сринчек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. – 128 с.
8. Уотсон Р. Технологии против Человека: как мы будем жить, любить и думать в следующие 50 лет? / Ричард Уотсон; [пер. с англ. Л.И. Степановой]. – М.: Эксмо, 2020. – 320 с.
9. Файнберг-Иванов Д. «Недетские деньги: 100 500 способов заработать в 12–17 лет / Джейн Файнберг-Иванов, Кира Джейн. – Ростов н/Дону: Феникс, 2021. – 172 с.
10. Кучарски А. Законы эпидемий / Адам Кучарски; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. – М.: Синдбад, 2021. – 384 с. ISBN 978-5-00131-236-9.
11. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – 500 с.
12. Лисовский В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Серия «Мыслители», Тугариновские чтения. Выпуск 1 / Материалы научной сессии. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 40–44.
13. Талалаева Г. В. Демография: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. – 120 с.
14. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 904 с. ISBN 978-5-321-02540-6.
15. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.): монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского; М-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 372 с.
16. Певная М. В., Минченко Д. В., Чусовитин Н. А. Социальные городские проекты: управленче-

ские характеристики и виды молодежного участия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3(63). С. 79–87. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_79.

Сведения об авторе:

Талалаева Галина Владленовна, доктор медицинских наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет; Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: gvtalal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6923-0256; РИНЦ Author ID: 132946; Scopus Author ID: 19436378500; Web of Science Researcher N-8451-2017.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; принята в печать 08.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DYNAMICS OF REPRESENTATIONS CONCERNING MECHANISMS OF FORMATION OF SOCIAL IDENTITY OF YOUTH: A REVIEW OF PUBLICATIONS OF THE RSCI

Galina V. Talalaeva

Ural Federal University; Ural Institute of State Fire Service EMERCOM of Russia,

Yekaterinburg, Russia

E-mail: gvtalal@mail.ru

For citation: Galina V. Talalaeva. Dynamics of representations concerning mechanisms of formation of social identity of youth: a review of publications of the RSCI. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.7>. EDN: RHMSYQ

Abstract. The subject of the research is the phenomenon of dissipation of the social identity of young people in modern Russian society. Purpose: to compare the reflection of this phenomenon in the academic and public consciousness. Hypothesis: the dynamics and structure of the idea of the social identity of young people at the present stage of Russia's development is not the same in the academic and public consciousness. The hypothesis was tested on the example of publications included in the RSCI database. There are two categories of publications: 1) scientific journals, dissertations, 2) conference materials. The first reflects ideas about social phenomena in the minds of the academic community; the second is in the mass consciousness of the general scientific community. Search depth 11 years (2012–2021). It included the annexation of Crimea to Russia, pension reform, the COVID-19 pandemic, and the merger of two social support funds for the population (PF and FSS). The volume of empirical data amounted to 86341 titles of publications. The views of the authors of publications on the phenomenon under study were recorded according to five search queries: "social identity of young people", "social security", "social protection", "social assistance", "social support". The algorithm of the relationship between these topics was studied using paired correlation analysis. It was found that the peak of publications for these requests coincided with the three-year period 2016–2018. The reflection of the problem of the social identity of young people in academic publications preceded its active discussion in conference proceedings by 4–6 years. Fundamental differences are found in the ideas about the social identity of young people in the academic and public consciousness. In scientific articles and dissertations, the social identity of young people is considered as a special case of self-organization of complex social systems, in conference materials – as a separate element of a hierarchically built deterministic financial system. The results obtained are regarded by us as proof of the correctness of the null hypothesis put forward. Possible areas of application of the results of the study: youth, social and demographic policy of the state at a new stage of socio-economic reforms. The limitation for the implementation of the research results in the practice of social management may be the effect of inertial public opinion and mass consciousness, as well as the financial interests of individual lobbies currently involved in the implementation of social projects. Directions for future research – targeted monitoring of the transformation of the mass in accordance with the requirements of the modern technological revolution.

Keywords: youth, identity, dissipation, mass consciousness, technological revolution.

References

1. *Teoriya i praktika prinyatiya upravlencheskix reshenij: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury` [Theory and practice of managerial decision-making: textbook and workshop for undergraduate and graduate studies] / V. I. Busov, N. N. Lyabax, T. S. Satkalieva, G. A. Taspenova; Ed. by V. I. Busov. – Moscow: Izdatelstvo Yurayt Publishing House, 2019. 279 p. (In Russ.)*

2. Cloke K, Goldsmith J. *The end of management and the rise of organizational democracy*. SPb.:

Piter, 2004. 368 p. (In Russ.)

3. Moshella D. *Guide to the digital future: Industries, organizations and professions*; Moscow: Al'pina Publisher, 2020. 215 p. (In Russ.)

4. *Machines that Think. Everything You Need to Know about the Coming Age of Artificial Intelligence*. New Scientist Instant Expert. Hachette UK, 2017. 288 p.

5. Richard H. Thaler. *Misbehaving. The making of behavioral economics*; translation from English by I. A. Prohorova. Moscow: Eksmo, 2018. 384 p. ISBN 978-5-04-091150-9. (In Russ.)

6. Schwab K. *Shaping the Fourth Industrial Revolution* / K. Schwab, N. De'vich; translation from English. Moscow: Eksmo, 2018. 320 p. ISBN 978-5-04-095268-7. (In Russ.)

7. Srnicek N. *Platform capitalism*; translation from English M. Dobryakova: National Research University "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 128 p. (In Russ.)

8. Watson R. *Digital vs Human: how we'll live, love, and think in the future*; translation from English by L.I. Stepanova. Moscow: Eksmo, 2020. 320 p. (In Russ.)

9. Feinberg Ivanov J. *"Non-childish" money: 100,500 ways to earn in 12–17 years* / J. F. Ivanov, K. Jane; translation from English. Rostov-on-Don: Feniks, 2021. 172 p. (In Russ.)

10. Kucharski A. *The rules of contagion. Why Things Spread and Why They Stop*; translation from English by Yu. Gol'dberg. Moscow: Sindbad, 2021. 384 p. ISBN 978-5-00131-236-9. (In Russ.)

11. *Samoregulyaciya zhiznedejatel'nosti molodezhi: metodologiya i social'ny'e praktiki: monografiya [Self-regulation of youth's life activity: methodology and social practices] : monograph* / Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevskij [and others]; Ed. by Yu. A. Zubok. – Belgorod: "Epicenter", 2021. 500 p. (In Russ.)

12. Lisovsky V. T. *Cennosti zhizni i kul'tury` sovremennoj molodezhi (sociologicheskoe issledovanie) [Values of life and culture of modern youth (sociological research)]*: The series "Thinkers", Tugarin readings. Issue 1 / Materials of the scientific session: St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. Pp. 40–44. (In Russ.)

13. Talalaeva G. V. *Demografiya: uchebno-metodicheskoe posobie [Demography: educational and methodical manual]*. – Yekaterinburg: UGTU-UPI, 2007. 120 p. (In Russ.)

14. *Student 1995–2016 gg.: dinamika sociokul'turnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala [Student 1995–2016: dynamics of socio-cultural development of students of the Middle Urals]* : monograph / L. N. Bannikova [and others]; Ed. by Yu. R. Vishnevskiy. – Yekaterinburg: UrFU, 2017. 904 p. ISBN 978-5-321-02540-6. (In Russ.)

15. *Molodezh` o budushhem Rossii i o sebe: vy`zovy` nastoyashhego i konstruirovaniye gorizontov budushhego [Young people about the future of Russia and about themselves: challenges of the present and the construction of future horizons]* (based on the materials of the VIII stage of monitoring the dynamics of socio-cultural development of Ural students in 1995–2020.): [monograph] / Ed. by Yu. R. Vishnevskiy; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. – Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2021. 372 p. (In Russ.)

16. Pevnaya M. V., et al. Social'ny'e gorodskie proekty`: upravlencheskie xarakteristiki i vidy` molodezhnogo uchastiya. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021. No. 3(63). Pp. 79–87. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_79 (In Russ.)

Bio note:

Galina V. Talalaeva, Doctor of Medical Sciences, Docent, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ural Institute of State Fire Service EMERCOM of Russia.

Contact information: e-mail: gvtalal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6923-0256; RSCI Author ID 132946; Web of Science Researcher ID N-8451-2017; Scopus Author ID 19436378500.

Received on 19.06.2022; accepted for publication on 08.09.2022.

The author has read and approved the final manuscript.